

ственные различия - гендерные стереотипы в меньшей степени связаны с политической активностью в контексте проявления активной гражданской позиции (участие в митингах, демонстрациях, электоральная активность), чем в контексте реализации женщинами политической карьеры (управление страной как на муниципальном так и на федеральном уровне).

Список источников и литературы

1. С.Г. Айвазова. Реализация третьей цели Декларации тысячелетия: «Поощрение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин».

2. Гендерные стереотипы – это культурно и социально обусловленный набор представлений (убеждений, мнений, суждений) о качествах, признаках, нормах поведения, которые свойственны "настоящим" мужчинам и женщинам. Гендерные стереотипы строятся по принципу "бинарной оппозиции": то, что приписывается мужчинам, отрицается за женщинами. //Т.Б. Рябова «Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований». Опубликовано в: Личность. Культура. Общество. Т.V. Вып.1-2 (15-16). - С. 120-139.

Российские ученые о развитии глобальной академической мобильности

Иконникова Н. К.

к.с.н., доцент НИУ ВШЭ

Реализация мер государственной политики в любой сфере, в том числе и области управления научными исследованиями, разработками и подготовки кадров высшей квалификации осуществляется в определенном социальном контексте. Социальный контекст демонстрирует одновременно динамизм, меняясь в зависимости от экономической конъюнктуры, конфигураций сообществ и групп, глобальных и локальных культурных движения, и инерционность, обусловленность предшествующим состоянием (известный «эффект колеи» или «обусловленности пройденным путем»). Учет специфики социального контекста и характера опосредования, трансформации им

политических решений, изменений нормативных актов, бюджетирования требует анализа вроде бы не связанных прямо с научной деятельностью и миграцией ученых ценностных и нормативных оснований соответствующих социальных практик. Разрыв между моделью научной политики и сложившимися представлениями о ней у самих ученых, в том числе и в части взаимодействия с российской научной диаспорой, является причиной срыва реализации многих программ и решений, представлявшихся вполне обоснованными, ресурсно обеспеченными.

Данная проблематика анализируется на материалах эмпирического исследования, выполненного под руководством автора в рамках проекта «Научно-методические проблемы развития организационных форм эффективного сотрудничества российских ученых с успешными представителями российской научной диаспоры». [1]

Опрос российских экспертов, результаты которого представлены в данной статье, был нацелен на выявление ценностно-нормативных оснований социальных практик в сфере науки и высшего образования, тех институциональных и культурных матриц, которые определяют воспроизводство этих практик и границы их трансформации. В качестве «контрастного вещества», позволяющего выявить эти преимущественно неартикулируемые и/или латентные установки и практики, выступала ситуация взаимодействия с зарубежными коллегами, в т.ч. бывшими соотечественниками (в официальных документах обозначаемыми как «российская научная диаспора»). Помимо анкетного опроса, выполненного в соответствии с заданными заказчиком количественными и качественными критериями, было проведено интервьюирование экспертов, а респондентам, заполнявшим формализованные опросные бланки, было предложено давать любые комментарии, которые они считали важными с точки зрения общей темы анкеты и содержания конкретных вопросов.[2] Этот прием оказался весьма результативным, поскольку респонденты были заинтересованы в обсуждении и улучшении ситуации. Мы видим одной из

главных целей данной публикации возможность ввести эти мнения и оценки в научный оборот, сделать их предметом дальнейшего анализа.

В результате рассылки на основе построенной выборке было получено 252 заполненные анкеты. Кроме того, получено 6 устных и 1 письменное интервью, общая продолжительность устных интервью 193 минуты, объем устного интервью 10333 знаков без пробелов. При цитировании далее по тексту отчета интервью зашифрованы символом *I* с указанием номера интервью. Эксперты дали комментарии по вопросам анкеты, получено 23 дополненные комментариями анкеты, общий объем комментариев 16906 знаков (без пробелов). Ряд содержательных комментариев, высказываний содержался непосредственно в ответных письмах респондентов, по наличию содержательных текстов выделены фрагменты 15 писем, объем выделенных фрагментов 6252 знаков (без пробелов). Цитируемые далее комментарии по полуоткрытым вопросам анкеты зашифрованы символом *K* с номером фрагмента, а цитируемые фрагменты писем – *L*.

Опрошенные ученые и преподаватели вузов считают себя успешными людьми: 69,6%, в том числе 73,7% из числа докторов наук и 61,5% из числа кандидатов наук. При этом успешность ассоциируется именно с профессией и 56,5% респондентов не считают, что «успешный человек успешен во всем». Концентрация на профессиональном успехе присуща докторам наук (не согласны с указанной фразой 55,3%) и не присуща кандидатам наук – согласны с указанной фразой 53,8%.

Респонденты оценивают критерии успеха в науке в контексте принятых сегодня в обществе ценностных установок и моделей поведения. Как отмечается в одном из ответных писем с анкетой: «*Себя я считаю "успешным" (доктор физ.-мат. наук - в 28 лет, член-корр. АН СССР - в 38, академик АН СССР - в 42, организатор и 25 лет директор Института прикладной физики АН СССР и РАН - одного из самых крупных (и, по-видимому - успешных) институтов РАН, лауреат Государст-*

венной премии, Герой Социалистического Труда и т.д. - но по многим современным параметрам успеха - это не успех!» (L8).

Среди качеств, обеспечивающих успешность человека, наибольший рейтинг имеют: профессионализм; целеустремленность; уверенность в себе; высокий интеллект; самоорганизация. При этом профессионализм, целеустремленность и высокий интеллект имеют наибольший рейтинг у мужчин, а профессионализм, целеустремленность, уверенность в себе и коммуникабельность – у женщин. Те, кто считает себя успешным и при этом ориентированы на карьеру, высказываются более определенно (что видно по меньшей доле затруднившихся ответить).

Мотивами выбора профессии являются в первую очередь «возможность получить интересную работу» (47,6%) и «возможность стать высококвалифицированным специалистом в избранной области» (46,0%), остальные мотивы выбирались значительно реже. При этом:

- для специалистов в области физико-математических наук ведущие мотивы «престиж науки в обществе», затем «возможность получить интересную работу» и «возможность стать высококвалифицированным специалистом в избранной области»;

- для специалистов области наук о земле это как раз с большим отрывом «возможность получить интересную работу» и «возможность стать высококвалифицированным специалистом в избранной области»;

- для специалистов в области социально-гуманитарных наук это «возможность получить интересную работу», «возможность стать высококвалифицированным специалистом в избранной области», а также «возможность сделать успешную карьеру».

Практически все респонденты подтверждают свою квалификацию тем, что публикуют статьи, тезисы, в том числе в зарубежных изданиях (74,6%) выступают на конференциях, российских и международных, защищают диссертации. С их

точки зрения профессиональный успех зависит от самого человека, хотя респонденты возрастной группы 56-69 лет отмечают также и значение ситуации в профессиональной сфере, что отражает социальный опыт этой возрастной группы. Ситуация в обществе представляется значимым фактором представителям наук о земле (экологические требования, возможность экономики использовать научные достижения, обеспокоенность населения развитием био- и медицинских технологий). При этом для занимающих руководящие должности выбор факторов «зависит от самого человека» и «зависит от ситуации в обществе» соотносится 3:1, а для специалистов (на неруководящих должностях) как 2:1. Отвечая на вопрос, что еще способствует успеху, доктора наук выделили (наряду с «собственными усилиями») помощь и признание коллег. Это подчеркивает значимость связей и поддержки научного сообщества при получении и подтверждении профессионально квалификации.

При этом по данным Таблицы 4,[3] тех, кто считает себя успешным человеком и поддерживает дружеские и профессиональные контакты с уехавшими за границу коллегами, больше среди сторонников их возвращения.

Таким образом, можно сказать, что работающие в России ученые и преподаватели считают себя состоявшимися в профессии, и истоки своего успеха видят в собственных качествах и усилиях. Для российских ученых, добившихся успеха в профессии, сотрудничество с зарубежными коллегами будет рассматриваться как один из ими самими выбранных компонентов профессиональной деятельности, оно призвано повышать удовлетворенность профессиональной деятельностью, но не является решающим ресурсом для этого.

Профессиональная среда рассматривается как определяемая коллегами (наличие, квалификация, контакты. При этом комфортная среда для жизни (выделено 68,3% респондентов) рассматривается как решающий выталкивающий/притягивающий фактор, и он действует не только в отношении эмиграции за рубеж, но и в отношении мобильности —

территориальной и профессиональной, между секторами экономики — внутри страны. На втором месте (60,3%) профессиональная среда, условия для профессиональных достижений. Третий рейтинг имеет такой фактор как финансирование НИОКР, обменов, поездок (36,5%). В этих оценках нет существенных различий по возрастным группам, в зависимости от ученой степени (при ее наличии). Однако есть различия по должностям и областям наук. Руководители и представители наук о земле указали на качество управления образованием и НИОКР как третий по значимости фактор (у докторов наук в целом по всем областям он имеет четвертый рейтинг за указанными выше факторами).

В развернутых ответах респонденты сообщали: *«Люди едут за рубеж за лучшей жизнью. Это: зарплата, климат, комфортная жизнь, хорошие условия для работы» (К31). «Наиглавнейшей причиной "уплывания мозгов" является вечный бардак и нищета науки в новой России. Кому интересна давно "непрестижная" и финансово не привлекательная профессия ученого или преподавателя? Кто захочет работать в настолько не стабильных экономических и политических условиях, разве можно продуктивно трудиться в постоянном страхе быть выброшенным за ненадобностью? Большинство молодежи сейчас идет в науку только для получения старта, чтобы уехать дальше работать и делать карьеру за рубежом. Поскольку там созданы все благоприятные условия для самореализации и профессионального роста, во всяком случае гораздо лучшие, чем у нас. Соответственно, чтобы стимулировать возвращение ученых на родину, нужно сделать невероятное — повысить жизненный уровень в России до уровня зарубежных стран (Африки и др. стран третьего мира это не касается, туда никто не стремится). Гарантировать так необходимую для любого роста и развития СТАБИЛЬНОСТЬ» (К64).*

Опрошенные не ориентированы на высокую академическую мобильность не только за рубеж, но и внутри России (при этом они рассматривают профессию как призвание, как

было показано выше, и не склонны к профессиональной мобильности). Это подтверждает сравнение данных о месте получения образования и о текущем месте работы в обобщенном географическом разрезе (см. Таблица 1).

Таким образом, профессиональная среда оценивается в параметрах общения, технического уровня и рассматривается во взаимосвязи с жизненным комфортом и безопасностью в целом, причем жизненный комфорт рассматривается как самый существенный фактор.

Респонденты указали уровень финансирования науки и образования и отчасти качество управления как значимые факторы международного сотрудничества и мобильности. Используя возможность писать развернутые комментарии, респонденты указывали следующее: «Научное оборудование, которым располагает РАН, не обновлялось десятилетиями и в массе своей безнадежно устарело. Строящиеся в нашей стране крупные экспериментальные установки – например, синхротрон при РНЦ КИ в Москве или нейтронный реактор ПИК при ПИЯФ в Гатчине – морально устарели уже на момент начала строительства много лет назад. Оснащение этих устаревших источников даже самой лучшей измерительной аппаратурой (спектрометрами, дифрактометрами и т.п.), даже если это удастся сделать, все равно не позволит выполнять исследования мирового класса.

Одно из направлений сотрудничества с зарубежными коллегами и соотечественниками – перевозка в Россию научного оборудования, прослужившего 10-30 лет и заменяемого в западных организациях на новое. Это оборудование все равно остается на одно-два поколения новее, чем имеющееся в РАН. Западные организации, как правило, либо отдают его бесплатно, либо за чисто символическую плату. К сожалению, нам такое бросовое оборудование все равно обходится дорого (несколько сотен тысяч рублей – это годовой грант РФФИ или РАН) из-за российских ввозных пошлин.

В России трудно заниматься экспериментальными исследованиями ввиду устаревшей приборной базы. Научное

приборостроение в нашей стране было уничтожено в 1970-х годах. Система "почтовых ящиков" и других НИИ, принадлежавших различным министерствам и занимавшихся внедрением научных разработок в производство, была ликвидирована в 1990-х. Закупка современного зарубежного научного оборудования в сколько-нибудь значимых объемах невозможна из-за недостаточного финансирования науки. Например, приличный рентгеновский дифрактометр (западные научные центры и технические университеты имеют, как правило, по несколько дифрактометров и регулярно заменяют их на новые) стоит порядка 10 млн. рублей. Для сравнения: через Российский фонд фундаментальных исследований по разделу "физика высоких давлений" на 2011 год на всю страну Правительство РФ обещало выделить (но до сих пор не выделило) порядка 6 млн. руб.» (K25).

«Возвращение коллег, уехавших жить и работать за рубеж, может быть весьма эффективным, а может быть и вредным. Оно, в первую очередь, должно приносить пользу России и Российской науке. При этом надо учитывать, что бюджет всегда ограничен. То, что будет потрачено на подобное сотрудничество, будет изъято из общего и пока достаточно скудного бюджета Российской науки. Необходимо точно просчитывать баланс между тем, что Российская наука приобретет, а что потеряет. Сотрудничество необходимо стимулировать только в том случае, если выгода будет значительной и очевидной» (K29).

«В двух словах – на диаспору лучше не надеяться, Делиться секретами, знаниями и другой информацией они не будут. Не для этого они уехали. Поддерживайте своих лучших, а не всех, ученых. Это люди которые еще верят в Россию» (L9).

«Сотрудничество (любое) может развиваться только на взаимовыгодной основе. В наше время все диктует экономика. И вкладывать деньги в тех, кто уехал и стал гражданином другой страны – крайне вредная затея. Наш молодой специалист-химик (работа вредная) получает в настоящее время 10 000 рублей. И "спаривать" его с эмигрантом, кото-

рый получает 10 000 долларов, по меньшей мере, странно. Сотрудничество такого рода кончалось до сих пор тем, что самые активные (не обязательно лучшие) в конце концов оказывались за рубежом. Если мы хотим и дальше вкладывать деньги (и огромные) в то, чтобы снабжать США и Европу квалифицированными специалистами, то конечно, такие программы надо развивать» (L13).

«Надо развивать научное сотрудничество не по этому принципу, а по принципу сходных или пересекающихся взглядов, подходов, принципов к решению тех или иных проблем. А они, как правило, носят не диаспорный характер в современном мире и науке. Такая постановка вопроса характерна для советского и постсоветского мышления и логики научного взаимодействия. В какой-то мере это уход от честной конкуренции: найти "своих" или "бывших своих" и через них пролезть на мировую научную арену. Как правило, такие проекты конъюнктурны и не интересны научно. Хотя, по нашей же отечественной логике, российские эмигранты потом успешно начинают публиковаться в России, а не там, куда они уехали (я говорю о гуманитарии), потому что они уже получили санкцию Запада (даже если преподают в community college или еще где похуже, что чаще всего и бывает) и потому здесь по привычке воспринимаются как новые пророки» (I6).

Таким образом, респонденты констатировали кризисное состояние научных исследований, деградацию материально-технической базы и отсутствие управленческих решений, преодолевающих эту ситуацию. Сотрудничество с научной диаспорой и международными коллегами в рамках уже реализуемых программ оценивается ими скептически, как не имеющее должного влияния на состояние сферы исследований и разработок в целом.

Успех сотрудничества ставится в зависимость от собственных достижений, есть стремление к паритету в научных результатах, нет установки на заимствование чужой информации (при сомнениях, что ею будут делиться), респонденты не хотят занимать второстепенные роли в программах сотрудни-

чества. Это усиливает скептицизм в отношении ситуации, когда приглашение любого иностранца в десятки раз повышает финансирование программы исследований, проекта.

Так возможность публикаций за рубежом ставится в первую очередь в зависимость от научной новизны (77,8%), знание иностранного языка и следование зарубежным стандартам изложения имеют заметно более низкий рейтинг (58,7% и 42,9%). Как отмечали респонденты, «[р]азвивать сотрудничество можно только на условиях честной коммуникации, а она, как я попыталась объяснить в первом ответе, далека от честной, манипулятивна и корыстна, в отношениях диаспоры и оставшихся здесь и диаспоры между собой. Уезжая, человек делает выбор и поступает очень многим, в том числе и в научном смысле, наука ведь, по словам Монроза, не "парит над идеологией, а вязнет по колено в ней". Таким образом российский ученый, уезжая, выбирает обязательно себе роль – "работать русским" или "мимикрировать под своего". Последнее получается только у тех, кто закончил вуз за границей, по сути, сложился как ученый уже там» (I6).

С другой стороны, респондентами признавалось: «Совместная работа над проектами и статьями – реальная возможность достичь топ-уровня в профессиональной сфере, убедить партнеров в высоком уровне российской науки» (K44).

В целом, профессиональные обмены, совместные публикации и совместная работа (в лабораториях, проектах, образовательных структурах) были выбраны респондентами как наиболее важные формы сотрудничества с близкими рейтингами (соответственно, 57,1%, 55,6%, 54%).

Наше предположение о том, что на международное сотрудничество возлагаются функции оценки, экспертизы научных достижений и квалификации, но эти оценки используются во внутрироссийской научной и образовательной деятельности, базировалось на анализе документов и опросах представителей научной диаспоры, но российские респонденты в таких терминах ситуацию не определяют.[4] При этом большинство респондентов и при ответах на закрытые вопросы анкеты, и в

комментариях на полуоткрытые вопросы высказывается против целесообразности привлечения представителей диаспоры в научные программы (68%). Анализ ответов в зависимости от позиций по другим вопросам представлен в Таблицах 2, 5, 6.

Если что-то и мотивирует российских ученых и преподавателей выступать за привлечение и сотрудничество специалистов из научной диаспоры – это как раз косвенные эффекты такого сотрудничества, связанные с поддержанием, созданием (или воссозданием) профессиональной среды и условий для профессиональной работы (см. таблица 2). При этом негативная позиция вовсе не означает полное отсутствие опыта международного сотрудничества. Вопрос в том, в какие формы сотрудничества вовлекаются россияне (или какие формы им доступны).

Как свидетельствуют данные Таблицы 5, большинство респондентов имели опыт международных стажировок, обучения, проведения исследований, преподавания, длительных профессиональных командировок за последние 5 лет (при этом те, кто не имел такого опыта, явно хотел бы его получить и поэтому настроен в отношении сотрудничества более позитивно). Однако последовательно негативная позиция проявляется у тех, кто и выступает против сотрудничества, и отказывается от членства в международных организациях, и не участвует в международных проектах (Таблица 6). При этом руководители по крайней мере в со вторым рейтингом (61,3%) выбирали в качестве формы сотрудничества совместную организацию и работу в лабораториях, проектах, образовательных структурах (Таблица 3).

Респонденты в целом демонстрировали единодушие в следовании общим ценностным ориентациям. Однако можно выделить ценностную специфику тех, кто отрицательно относится к перспективам взаимодействия с диаспорой, они в большей мере учитывают ценности жизни с комфортом и карьеры или затрудняются сделать однозначный вывод (Таблица 6).

Подведем краткие итоги. Практики современного общества, и в профессиональной, и в повседневной сферах качественно усложняются, при этом усложнение достигается за счет символических, абстрактных ресурсов, аккумулирующих накопленные знания и инфраструктурный потенциал. Латентные компоненты этих практик приобретают все большее значение и становятся также предметом преднамеренного или, по крайней мере, рефлексивного социального конструирования.

В рамках проведенного исследования была предпринята попытка связать анализ организационных форм с культурными процессами, как с точки зрения их ценностно-символического содержания, так и вещественной формы. Важным аспектом существования культуры является ее практически-действенная форма, в форма событий и процессов, в которых проявляются установки и ориентации субъектов (прямых и косвенных участников) коммуникации, то есть индивидов, а также различных групп и слоев. Результатом этого становится дифференцированность культуры и соответствующих социальных практик даже в рамках одного общества, наличие в нем не только этнических и религиозных, но и социальных и профессиональных субкультур, и сложной системы взаимодействий между ними и другими культурами, в которой неустойчивое равновесие сменяется разной остроты и масштабов конфликтами. Поэтому продемонстрированная связь установок в сфере сотрудничества с научной диаспорой и ценностных ориентаций представителей российской науки и образования представляется весьма важным результатом.

Взаимодействие с научной диаспорой сегодня не носит характера «поддержки соотечественников», а ориентировано на развитие научно-технологического и образовательного потенциала России. Это ставит более сложные задачи по публичной презентации государственной политики в этой области и обеспечению ей поддержки в научном сообществе и российской диаспоре. Возникновение и развитие различных форм взаимодействия национального отряда науки с национальной

научной диаспорой следует рассматривать с учетом исторической динамики, межстрановых влияний (в силу единства пространства науки). Также имеют значение организационные формы и технологические факторы разного рода: с одной стороны, развития информатизации и виртуализации, а с другой – повышения социальной и экономической стоимости инфраструктуры науки, включая и лабораторное и иное оснащение, и развитие наукоградов, технополисов, инновационных центров.

Таблица 1

Академическая мобильность респондентов*

(Примечание: Данные получены путем группировки)

Регион получения высшего образования	Регион проживания в настоящее время			
	Москва и Подмосковье	Ленинград (Санкт-Петербург)	Новосибирск	Другое
Москва и Подмосковье	72%	0%	2%	14%
Ленинград (Санкт-Петербург)	5%	74%	0%	21%
Новосибирск	9%	0%	67%	24%
Другое	12%	21%	29%	37%

Таблица 2

Отношение к возвращению представителей диаспоры в зависимости от выбранных наиболее значимыми выталкивающих / притягивающих факторов

Как Вы считаете, следует ли стремиться «вернуть» в каком-либо статусе ваших коллег, уехавших жить и работать за рубеж постоянно или на длительные сроки?	Как Вы считаете, какие факторы наиболее существенны, когда Ваши коллеги принимают решение о выезде для жизни и работы за рубеж или о возвращении на Родину?		
	комфортная/некомфортная среда для жизни	наличие профессиональной среды, условий для профессиональных достижений	экономические риски
Да	24%	19%	32%
Нет			15%

Нет	68%	72%	60%	69%
Затруднились ответить	9%	9%	8%	16%

Таблица 3

Основные организационные формы сотрудничества с научной диаспорой и международной наукой

Наиболее полезные для Вас формы сотрудничества с зарубежными коллегами и соотечественниками, длительное время живущими и работающими за рубежом	Общий рейтинг	Рейтинг докторов наук	Рейтинг руководителей
совместное участие в профессиональных ассоциациях, сетях	14,3%	13,2%	22,6%
профессиональные обмены	57,1%	52,6%	51,6%
совместное проведение / участие в конференциях, семинарах, круглых столах	39,7%	42,1%	45,2%
совместная организация и работа в лабораториях, проектах, образовательных структурах	53,96%	44,7%	61,3%
совместное участие в конкурсах на гранты	38,1%	47,4%	51,6%
дистантные формы (лекции, семинары)	17,5%	18,4%	19,4%
совместные публикации	55,6%	71,1%	74,2%
Другое	15,9%	21,1%	29,0%

Таблица 4

Распределение респондентов, считающих себя успешными и поддерживающих контакты с уехавшими коллегами в зависимости от ответа на вопрос о желательности возвращения представителей диаспоры

Как Вы считаете, следует ли стремиться «вернуть» в каком-либо статусе ваших коллег, уехавших жить и работать за рубеж постоянно или на длительные сроки?	Считаете ли Вы себя успешным человеком?		Укажите характер Ваших отношений с коллегами, уехавшими за границу?					Нет контактов
	Да	Нет	Затруднились ответить	дружеские контакты	родственные связи	профессиональные контакты		
Да	24%	77%	8%	15%	80%	13%	73%	0%
Нет	67%	69%	0%	31%	71%	11%	55%	57%
Затруднились ответить	9%	50%	0%	50%	100%	0%	67%	43%

Таблица 5

Отношение к возвращению представителей диаспоры в зависимости от международного опыта и контактов

Как Вы считаете, следует ли стремиться «вернуть» в каком-либо статусе ваших коллег, уехавших жить и работать за рубеж постоянно или на длительные сроки?	Поддерживаете ли Вы контакты с коллегами (по обучению, по работе), уехавшими за границу (на постоянное место жительства, в длительные командировки)	Имели ли Вы опыт международных стажировок, обучения, проведения исследований, преподавания, длительных профессиональных командировок за последние 5 лет?	Являетесь ли Вы членом международных / зарубежных профессиональных ассоциаций?		В каких проектах Вы принимаете участие? - международные проекты						
			Да	Нет		Да	Нет				
Да	24%	100%	72%	100%	36%	27%	75%	33%	100%	92%	91%
Нет	68%	89%	47%	69%	41%	36%	61%	30%	88%	72%	64%
Затруднились ответить	9%	84%	50%	67%	50%	33%	67%	17%	35%	50%	50%

Живите ли вы и работаете за рубежом постоянно или на длительные сроки?	ки, длительно обучающимися / работающими за границей)?	Оцените, пожалуйста, по 5-ти бальной шкале насколько важны для Вас следующие ценности? Ответы «Очень важно» и «Важно»								
		Семья	Мир и порядок на планете	Свобода	Жизнь	Карьера	Высокий заработок	Традиции	Честность	Справедливость
Да	Да	100%	73%	62%	81%	50%	17%	32%		
	Нет	0%	27%							
Нет	Да	90%	56%	28%	19%	50%	83%	63%		
	Нет	10%	44%							
Затруднились ответить	Да	50%	33%	-	-	-	-	5%		
	Нет	50%	67%							

Таблица 6

Отношение к возвращению представителей диаспоры в зависимости от ценностных ориентаций

Как Вы считаете, следует ли стремиться «вернуть» в каком-либо статусе ваших коллег, уехавших жить и работать за рубежом постоянно или на длительные сроки?	Оцените, пожалуйста, по 5-ти бальной шкале насколько важны для Вас следующие ценности? Ответы «Очень важно» и «Важно»										
	Семья	Мир и порядок на планете	Свобода	Жизнь	Карьера	Высокий заработок	Традиции	Честность	Справедливость	Самосовершенствование	
Да	24%	100%	72%	100%	36%	27%	75%	33%	100%	92%	91%
Нет	68%	89%	47%	69%	41%	36%	61%	30%	88%	72%	64%
Затруднились ответить	9%	84%	50%	67%	50%	33%	67%	17%	35%	50%	50%

Список источников и литературы

1. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» по заказу Минобрнауки России, ГК № П-77.
2. Разделы анкеты, касающиеся профессиональной карьеры и ценностных ориентаций, разрабатывались на основе опросника проекта под руководством чл.-корр. РАН, д.хим.н. Н.П. Тарасовой, реализованного д.социол.н М.В. Рыбаковой, М.Ю. Щукиной.
3. Таблицы приводятся в конце текста, расположены с учетом форматирования.
4. См. также: Дежина И.Г. «Охота за головами»: как развивать связи с Российской научной диаспорой? // Научно-исследовательские исследования. 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Отв. ред. Ракитов А.И. -М., 2010. С. 13-14.

Миграция и глобализация: формирование транснациональных социальных пространств (обзор концепции трансмиграции)

Матвеев В.В.

Российский химико-технологический университет

им. Д.И. Менделеева

MVladislava@inbox.ru

В результате глобализации возрастает взаимосвязь и взаимовлияние государств и народов, а как следствие, и культур. Интеграционные процессы связаны, прежде всего, с:

- увеличением взаимозависимости национальных экономик,
- развитием научно-технического прогресса, что выражается в улучшении средств связи и транспортной системы,
- деятельностью международных компаний и корпораций,

– большим числом общественных организаций и социальных институтов, которые способствуют формированию миграционных сетей.

Улучшение средств связи и транспортной системы дает возможность людям, товарам и услугам свободно передвигаться между отдаленными друг о друга территориями, пересекая за считанные часы границы нескольких государств. [6, С. 61]

По мнению отечественного исследователя В.И. Добренкова, сущность глобализации заключается в том, что это объективный, естественный процесс интеграции человечества. Происходит сжатие пространства, время спрессовывается, географические и межгосударственные границы становятся все более прозрачными и легко преодолимыми. Потоки товаров, услуг информации, людей и капиталов с растущей интенсивностью циркулируют по планете. [5, С. 23]

Воздействие упомянутых выше тенденций на различные характеристики миграционных потоков, такие как объем, направление, структура, количество, и процессы адаптации мигрантов стало дискуссионной темой в современной науке.

Влияние глобализационных процессов на миграционные процессы рассматривается в работах таких зарубежных исследователей как М.С. Арчера [9], М. Алброу [7], У. Бека [1], С.Кастлза, М.Дж. Миллера [10] и других, а также в работах отечественных исследователей В. Ионцева, И. Алешковского [6], И.А. Вершининой [2], А.В. Дмитриева, Н.С. Слепцова [4] и других.

С. Кастлз в работе «Глобализация и миграция: некоторые довлеющие противоречия» выделяет понятия «гражданин нации» и «глобальный гражданин» как бинарные оппозиции. Противоречие между «гражданином нации» и «глобальным гражданином», по его мнению, выражается в неактуальности принципа, согласно которому каждый человек культурно и политически принадлежит одному государству. Появляется необходимость в новой модели глобального гражданства, указывается на то, что эта модель должна быть многокультурной. [18]